

Научная статья
УДК 1(091)
doi: 10.17223/1998863X/69/20

РИЧАРД РОРТИ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ В ФИЛОСОФИИ

Виталий Васильевич Оглезнев

*Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск,
Россия;*

*Российский государственный университет правосудия, Санкт-Петербург, Россия,
ogleznev82@mail.ru*

Аннотация. В статье на примере идеи лингвистического поворота Р. Рорти обосновывается тезис, что «топос философа» следует определять не событийно, но через включенность философа в интеллектуальные социальные сети, через его связи и взаимодействия с другими участниками и научным сообществом в целом.

Ключевые слова: лингвистический поворот, аналитическая философия, Рорти

Благодарности: исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 22-28-00126, <https://rscf.ru/project/22-28-00126/>

Для цитирования: Оглезнев В.В. Ричард Рорти и лингвистический поворот в философии // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 69. С. 203–211. doi: 10.17223/1998863X/69/20

Original article

RICHARD RORTY AND A LINGUISTIC TURN IN PHILOSOPHY

Vitaly V. Ogleznev

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation;

*North-Western Branch of the Russian State University of Justice, Saint Petersburg,
Russian Federation, ogleznev82@mail.ru*

Abstract. The idea of Richard Rorty's linguistic turn seems to be a good example to substantiate the point of view that the "philosopher's topos" should be determined not as event-related, but through their involvement in intellectual networks, through their connections and interactions with the scholarly community as a whole. That is, the place of a philosopher should be determined depending on how much their views, ideas, thoughts turned out to be influential, impressive, convincing, which would allow us to judge their "ideological platform", so to speak, *ad hoc*. In this sense, Rorty's linguistic turn may prove to be quite a noteworthy example. Fifty-five years after the publication of Rorty's famous anthology *The Linguistic Turn: Essays in Philosophical Method* (1967), we can confidently say that today there is no doubt that the idea of eliminating confusion and contradictions arising from our use of language has played and continues to play an important role for the philosophy of the 20th and 21st centuries. But what is of concern is that it is possible to successfully designate an entire movement with such a vague concept, firstly, because the term "linguistic turn" implies too many different methods, and, secondly, because many philosophers who consider themselves, for example, to belong to the analytic tradition, are unlikely to agree to consider this idea as a characteristic of their philosophical activity. Perhaps it is more correct to consider the idea of a linguistic turn as an important stage in the

history of (analytic) philosophy, since today the analysis of language is only one of many tools available to modern philosophy. Anyway, the “linguistic turn” in Rorty’s version turned out to be a very fruitful and inspiring idea, and not only for philosophy. What conclusion can be drawn from all this? The “philosopher’s topos” should be considered, as it were, embedded in certain intellectual social networks. And it is this embeddedness that is an important prerequisite for the philosopher’s intellectual success and reputation, and the condition for the recognition of the philosopher is participation, leading them, so to speak, to the “center of the network”. Great thinkers do not appear from scratch, but as a result of the long and collective work of both predecessors and contemporaries. And Rorty’s “fringe analytic philosophy” confirms this very convincingly.

Keywords: linguistic turn, analytic philosophy, Richard Rorty

Acknowledgments: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 22-28-00126, <https://rscf.ru/project/22-28-00126/>

For citation: Ogleznev, V.V. (2022) Richard Rorty and a linguistic turn in philosophy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 69. pp. 203–211. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/69/20

Ричарда Рорти можно отнести к числу тех философов, о которых знают многие, но толком мало кто (включая автора данного очерка). Как верно пишет С.А. Смирнов, «казалось бы, Рорти как автор хорошо известен в нашей стране. О нем написаны статьи и книги разных авторов. Но все не так просто» [1. С. 189]. Можно даже сказать, что все совсем непросто. И вот почему.

С.А. Смирнов, пытаясь ответить на вопрос «Кто Вы, господин Рорти?», предпринимает весьма интригующую попытку реконструировать его философские взгляды не только через анализ восхитительной книги О.И. Целищевой «Ричард Рорти: “маргинальный аналитический философ”» [2], но и в контексте написанной о нем русскоязычной литературы, где Рорти предстает «таким разным и неожиданным, что возникает впечатление всеядности и эклектики, странной вневходимости и несистемности» [1. С. 190]. Вернее, это даже не реконструкция, но попытка «на материале книги (О.И. Целищевой. – примеч. В.О.) вычленив, сделать методологическую вытяжку относительно того, что такое поиск философом своего места в истории, в историческом времени, невзирая на то, как внешне для читателя и в конкретной ситуации он себя определял» [Там же]. Но надо признать, что автор этой цитаты преуспел лишь отчасти. Ибо в заключение он приходит к интересному выводу, который в некотором смысле обесценивает проделанную им интеллектуальную работу: «Топос философа событияен, не географичен, не партиен, не может быть описан принадлежностью к идейному лагерю» [1. С. 201]. Но именно здесь и возникают сомнения. Ведь научные достижения философа лучше объяснять не личной гениальностью и самобытностью, а скорее его включенностью в интеллектуальные сети, его связями и взаимодействием с научным сообществом в целом. Возможно, «топос философа» следует определять не событийно, как предлагает С.А. Смирнов, а в зависимости от того, насколько его взгляды, идеи, размышления оказались влиятельными, действенными, убедительными для других участников «сети», что позволило бы судить о его «идеологической платформе», так сказать, *ad hoc*. Идея «лингвистического поворота» Рорти в этом смысле может оказаться вполне заслуживающим внимания примером.

Сам термин «лингвистический поворот», хотя и был впервые употреблен Г. Бергманом, но обоснован и расширен Рорти в антологии *The Linguistic Turn: Essays in Philosophical Method* (1967), в которой он как редактор собрал труды философов, посвященных лингвистическому повороту, а также дал развернутую критическую оценку этому явлению в аналитической философии в своем обширном предисловии [3]. Здесь Рорти отмечает, что ход мысли, получивший наименование «лингвистического поворота», изменил ракурс рассмотрения философских проблем, которые отныне начинают трактоваться как проблемы употребления языка, задавая тем самым не только *тематическое* своеобразие данного способа философствования, но и определяя образ действий всей аналитической философии.

Термин «лингвистический поворот» использовался Бергманом задолго до одноименной антологии Рорти, по крайней мере, в статье «Logical Positivism, Language, and the Reconstruction of Metaphysics», опубликованной в 1953 г., где он отстаивает идею реконструкции метафизических вопросов в идеальном языке – идею, лежащую в основании того, что он считал одним из направлений логического позитивизма: «[Логические позитивисты] безоговорочно разделяют общий философский стиль. Все они принимают лингвистический поворот, начатый Витгенштейном в *Трактате*. Конечно, они интерпретируют и развивают его по-разному, отсюда и разногласия; но все же все они находятся под его влиянием, отсюда и общий стиль. Таким образом, если бы название играло бы хоть какую-то роль, возможно, было бы лучше выбрать лингвистическую философию или философию языка» [Ibid. P. 63]. И далее он добавляет, что это ни в коем случае не означает, что язык является главной или же единственной темой их исследований. Отличительной особенностью логических позитивистов, по его мнению, является то, что они «философствуют посредством языка... их главный результат – это метод» [4. P. 63–64]. В *Logic and Reality* Бергман, развивая эту идею, уже утверждает, что «все лингвистические философы говорят о мире, имея в виду язык; это и есть лингвистический поворот, фундаментальный первый шаг, метод, с которым согласны философы идеального и обычного языка» [5. P. 177].

С момента первого издания антологии Рорти «лингвистический поворот» получил самые разнообразные интерпретации и многочисленные трактовки, которые не только не прояснили, что Рорти под ним понимал, но лишь значительно усложнили его анализ. Дж. Сёркис объясняет это так: «Как выражение „лингвистический поворот“ имеет сложную историю, сложность которой в некоторой степени опровергается коротким движением, которое „поворот“ должен описывать» [6. P. 705]. Ю. Хабермас идет дальше и предлагает рассматривать две версии «лингвистического поворота» – аналитическую и герменевтическую. Первая обнаруживается в работах «раннего» Витгенштейна, который не только «ратифицировал лингвистический поворот, инициированный Фреге» [7. P. 425], но еще и совершил, по словам Хабермаса, «прагматический поворот от семантической теории истины к теории значения и от констатирующего факты языка к множеству грамматик языковых игр» [Ibid. P. 429]. Вторая версия обнаруживается в работах Хайдеггера.

Интересную интерпретацию лингвистического поворота предложил К. Дилворт. Его рассуждения в некотором смысле напоминают рассуждения Бергмана: «Чем именно является лингвистический поворот или, говоря мета-

форически, как его правильно совершить, – вопросы спорные. То, что он должен быть совершен, так или иначе, является общей теорией, вытекающей из распространенного убеждения, что язык тесно связан с философией, и связь эта существенно отличается от связи языка с любой другой дисциплиной» [4. Р. 64–65]. Но Дилворт пытается понять, зачем философия «свернула» со своего пути и что этот «поворот» собой представляет. В самом деле, философия, совершив лингвистический поворот, хотела срезать путь или что-то обойти, объехать? И что это был за путь? Какова его цель? Почти как в музыкальной композиции группы «Машина времени»: «Вот новый поворот, и мотор ревет. Что он нам несет – пропасть или взлет, омут или брод. И не разберешь, пока не повернешь». В общем, пока не повернешь, не поймешь, что находится за поворотом и зачем он был нужен. Но в результате подробного историко-философского анализа Дилворт приходит к тривиальному выводу, что «лингвистический поворот – это не короткий путь и не объезд, а просто шоссе нашего времени» [8. Р. 214].

Для Рорти же «лингвистический поворот» – это не просто «дорожный указательный знак». Это *методологический* проект. Лингвистический поворот он рассматривает как прояснение самой философии, того, как она функционирует, – будь то анализ понятий или рассмотрение их практических следствий. «Поворот» не претендует на завершенность или системность. Скорее, он показывает, что мы *делаем*, когда размышляем, аргументируем, вопрошаем. Идею Рорти можно было бы выразить так: «Когда мы занимаемся философским анализом *x*, почему бы нам не обратить внимание на то, как мы говорим о *x*?». К схожим мыслям приходит О.И. Целищева: «Каждый волен делать себе систему, используя, скажем, свой идеальный язык, но при этом данный язык не будет претендовать на *описание* реальности, будучи просто *предложением* способа о том, как говорить о ней» [2. С. 72].

Суть лингвистического поворота сам Рорти определяет следующим образом: «Философские проблемы – это проблемы, которые могут быть разрешены либо через реформирование языка, либо через большее понимание используемого нами языка» [3. Р. 3]. Отсюда становится ясно, что он в отличие от многих аналитически ориентированных философов не относился к «лингвистическому повороту» как разновидности лингвистического идеализма. Для него польза лингвистического поворота состояла не в том, что философские проблемы являются проблемами языка, но что он позволил «переключить» внимание философов с проблемы опыта на вопрос о лингвистическом поведении, что помогло сломать позиции эмпиризма – и, более широко, репрезентативистского подхода» [9. С. 166]. Здесь важно отметить еще и то, что для Рорти, как и для Бергмана, лагерь лингвистических философов неоднороден, поэтому общий термин «лингвистический поворот» подразумевает разные философские методы, которые (от Витгенштейна до Карнапа или от Шлика до Райла) не просто отличаются, но часто оказываются диаметрально противоположными.

К. Купман приводит две причины, почему лингвистический поворот в философии следует рассматривать как *методологический* сдвиг. Во-первых, он преградил путь философскому фундаментализму, наиболее привлекательной версией которого для философов XX в. выступал эмпирический репрезентационализм (традиция от Локка до Айера и Карнапа). И именно лингви-

стический поворот «помог философии найти выход из внутренних противоречий эмпирического репрезентационализма» [10. Р. 69]. Отчасти это произошло потому, что в течение XX в. надежда на то, что язык поддается только философскому, а не натуралистическому анализу, была развеяна как дым. Натурализм, вторгшись на территорию, только что занятую лингвистическими философами, начал быстрое продвижение:

«То, что Густав Бергман назвал [„лингвистическим поворотом“] *die linguistische Wende*, было довольно отчаянной попыткой удержать какое-то свободное пространство для философии. Философы старались отгородить некое пространство априорного знания, куда не смогли бы вторгнуться ни социология, ни история, ни естествознание. Это была попытка найти замену для „трансцендентальной установки“ Канта. Введение „значения“ вместо „сознания“ в качестве темы для философского теоретизирования, как предполагали философы, поможет уберечь чистоту и автономию философии, поскольку обеспечит ее неэмпирическим предметом исследования» [11. С. 121].

Во-вторых, лингвистический поворот позволил философам избавиться от фундаментализма, не впадая в релятивизм [10. Р. 70]. Лингвистический поворот, понимаемый как *методологический* сдвиг в философствовании, а не как *метафизическая* программа, на самом деле удачно согласуется с традиционным философским устремлением объяснить знание как благо. И для Рорти поворот от фундаментализма к лингвистическому натурализму оказался вполне совместимым с идеей, что «философия позволяет объяснить нормативные тиски, в которых мы оказались зажатые нашим использованием языка» [Ibid.].

Таким образом, лингвистический поворот для Рорти имел две явно выраженные направленности: антифундаменталистскую и антирелятивистскую. Первая связана с желанием избавиться от отсылок к эмпирическим данным, а вторая – со стремлением при переходе от фундаментализма к натурализму сохранить нормативность языка [Ibid. Р. 71].

Но Рорти намеревался не просто подтвердить существование лингвистического поворота, а осмыслить его природу [3. Р. 9]. Его антология, как отмечает Хабермас, преследовала двоякую цель: «Подвести итог триумфальному прогрессу и в то же время просигнализировать о его завершении» [12. Р. 345]. Действительно, рассматривая разного рода претензии к лингвистической философии, он задается вопросом, а действительно ли она совершила фундаментальную «революцию»? И не постигнет ли лингвистический поворот та же судьба, что и другие «революции в философии»? [3. Р. 33]. Тщательный анализ трудностей лингвистической философии подводит Рорти к пессимистическому выводу, что попытка лингвистических философов превратить философию в строгую науку может не оправдаться. Так и произошло, пишет О.И. Целищева, вскоре после первого издания его антологии: «Школа лингвистического анализа потеряла свое влияние, а ее тезисы были отвергнуты» [2. С. 74]. К схожему выводу приходит П. Хакер, говоря, что лингвистическая философия, развиваясь через логический эмпиризм Венского кружка и Оксфордскую послевоенную философию, в 1970-х пришла в упадок «отчасти благодаря влиянию американского логического прагматизма (Куайна и Дэвидсона), отчасти благодаря влиянию в Британии Даммита его последователей» [13. Р. 127].

Отношение Рорти к лингвистической философии было, действительно, весьма непростым, а его вовлечение в «мейнстрим аналитической философии» недолгим: «Во-первых, вскоре он стал понимать, что нельзя путать философию анализа обыденного языка со всей аналитической философией... Во-вторых, сам по себе способ разрешения философских проблем через анализ обыденного языка покажется ему тривиальным, и он очень быстро забудет об этой школе» [2. С. 62]. Но так или иначе, «Рорти интерпретирует лингвистический поворот в виде признания двух ролей языка в формулировке философских проблем и их решений: описательной, или дескриптивной – в отношении реальности, и формулировке альтернативных предложений о способах разговора о реальности» [Там же. С. 78]. К схожему выводу приходят Б.Л. Губман и К.В. Ануфриева: «В конечном счете лингвистический поворот оказывается в сочинениях Рорти тем пунктом, который ознаменовал осознание кризиса метафизического теоретизирования и связанных с ним умозрительных конструкций реальности в границах европейской постклассической философии» [9. С. 168–169].

Двадцать пять лет спустя после выхода в свет антологии «Лингвистический поворот» (с 1967 г.) Рорти, размышляя о значении лингвистического поворота в философии, придет к выводу, что оно было отнюдь не метафилософским. Напротив, его значение состояло в том, что он позволил переключиться с обсуждения опыта как средства репрезентации на вопрос о языке как выполняющем эту функцию [14. Р. 373]. Лингвистический поворот ознаменовал, таким образом, фундаментальные изменения в способе философствования. Это был действительно *методологический* сдвиг, имевший далеко идущие последствия. Вот что по этому поводу говорит В.А. Васильев: «Философский анализ языка становится необходимостью для дальнейшего развития научных знаний, социальной коммуникации. Обозначается *лингвистический поворот в философии*, представители которого являлись не только философы, но и математики, логики, лингвисты» [15. С. 174]. И этот список можно продолжить, включив в него, например, правоведов, социологов, политологов и других представителей гуманитарных и социальных наук, ведь «социально-философский потенциал лингвистического поворота проявился в открытии принципиально новых пониманий политико-правовой реальности» [16. С. 73]. И стало это возможным благодаря тому, полагает Н.Н. Равочкин, что «на стыках различных дисциплин актуализируются семантика, социолингвистика, герменевтика, которые бы позволили прояснить (или даже сказать „осовременить“) категориальный аппарат различных наук, для чего требовалось изучение его понятийно-языковых аспектов» [Там же. С. 70].

Пятьдесят пять лет спустя после публикации антологии можно с уверенностью сказать, что сегодня нет никаких сомнений, что идея устранения путаницы и противоречий, возникающих при использовании нами языка, для философии XX и XXI вв. сыграла и продолжает играть важную роль (достаточно взглянуть на материалы дискуссий «Аристотелевского общества» [17]). Но настораживает то, что можно ли таким достаточно туманным понятием удачно обозначить целое движение, во-первых, потому что термин «лингвистический поворот» имплицитно слишком большое количество разнообразных методов, а во-вторых, потому, что многие философы, которые относят себя, например, к аналитической традиции, вряд ли согласятся рассматривать

эту идею в качестве характерной черты их философской деятельности. Возможно, более правильно рассматривать идею лингвистического поворота как важный этап истории (аналитической) философии, поскольку сегодня анализ языка является лишь одним из многих инструментов, доступных современной философии. Ведь, как точно подметил М.В. Лебедев, «аналитическая философия – часть философии, и „лингвистический поворот“ – поворот не *от* философии, не *в сторону* от нее, но *к* ней» [18. С. 272]. Так или иначе, «лингвистический поворот» в версии Рорти оказался очень плодотворной и вдохновляющей идеей, причем не только для философии.

Какой вывод из всего этого можно сделать? «Топос философа» следует рассматривать как бы встроенным в определенные интеллектуальные социальные сети. И именно эта *встроенность* является важной предпосылкой его интеллектуального успеха и репутации, а условием научного признания философа выступает сопричастность, ведущая его, так сказать, к «центру сети» (используя выражение Р. Коллинза [19. С. 151]). Великие мыслители появляются не на пустом месте, но как результат долгой и коллективной работы как предшественников, так и современников. Поэтому «топос философа» – *не событиен, географичен, партиен и может быть описан принадлежностью к идейному лагерю*, в отличие от того, как считает С.А. Смирнов [1. С. 201]. И «маргинальная аналитическая философия» Рорти это весьма убедительно подтверждает.

Список источников

1. Смирнов С.А. Топос философа, или Еще раз о философском самоопределении // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 69. С. 187–202.
2. Целищева О.И. Ричард Рорти: «маргинальный аналитический философ». М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2021.
3. Rorty R.M. Introduction: Metaphysical Difficulties of Linguistic Philosophy // The Linguistic Turn: Essays in Philosophical Method / ed. Richard Rorty. Chicago : The University of Chicago Press, 1992. P. 1–39.
4. Bergman G. Logical Positivism, Language, and Reconstruction of Metaphysics // The Linguistic Turn: Essays in Philosophical Method / ed. Richard Rorty. Chicago : The University of Chicago Press, 1992. P. 63–71.
5. Bergman G. Logic and Reality. Madison: The University of Wisconsin Press, 1964.
6. Surkis J. When Was the Linguistic Turn? A Genealogy // American Historical Review. 2012. Vol. 117, № 3. P. 700–722.
7. Habermas J. Hermeneutic and Analytic Philosophy. Two Complementary Versions of the Linguistic Turn? // Royal Institute of Philosophy Supplement. 1999. Vol. 44. P. 413–441.
8. Dilworth C. The Linguistic Turn: Shortcut or Detour? // Dialectica. 1992. Vol. 46, № 3/4. P. 201–214.
9. Губман Б.Л., Ануфриева К.В. Лингвистический поворот и история в философии Р. Рорти // Вестник ТвГУ. Серия «Философия». 2017. № 2. С. 165–177.
10. Koopman C. Rorty's Linguistic Turn: Why (Mote Than) Language Matters to Philosophy // Contemporary Pragmatism. 2011. Vol. 8, № 1. P. 61–84.
11. Рорти Р. Витгенштейн, Хайдеггер и гипостазирование языка // Философия Мартина Хайдеггера и современность. М.: Наука, 1991. С. 121–133.
12. Habermas J. Richard Rorty's Pragmatic Turn // On the Pragmatics of Communication / ed. Maeve Cooke. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1998. P. 343–382.
13. Hacker P.M.S. Analytic Philosophy: Beyond the Linguistic Turn and Back Again // The Analytic Turn. Analysis in Early Analytic Philosophy and Phenomenology / ed. Michael Beaney. New York : Routledge, 2007. P. 125–141.
14. Rorty R. Twenty-five Years After // The Linguistic Turn: Essays in Philosophical Method / ed. Richard Rorty. Chicago : The University of Chicago Press, 1992. P. 371–373.

15. Васильев В.А. Лингвистический поворот в философии // Философские науки. Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2017. № 1 (768). С. 172–181.
16. Равочкин Н.Н. Лингвистический поворот: социально-философский потенциал // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2018. № 8. С. 70–74.
17. Аристотелевское общество: 140 лет философских диалогов / ред. А.Б. Дидикин. М. : Издательство Проспект, 2021.
18. Аналитическая философия : учеб. пособие / ред. М.В. Лебедев, А.З. Черняк. М. : Изд-во РУДН, 2008.
19. Коллинз Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск : Сибирский хронограф, 2002.

References

1. Smirnov, S.A. (2022) Topos filosofa ili eshche raz o filosofskom samoopredelenii [Topos of a Philosopher or Once Again About Philosophical Self-Determination]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 69. pp. 187–202.
2. Tselishcheva, O.I. (2021) *Richard Rorty: "marginal'nyy analiticheskiy filosof"* [Richard Rorty: "Marginal Analytical Philosopher"]. Moscow: Kanon+ ROOI "Reabilitatsiya."
3. Rorty, R.M. (1992a) Introduction: Metaphysical Difficulties of Linguistic Philosophy. In: Rorty, R.M. (ed.) *The Linguistic Turn: Essays in Philosophical Method*. Chicago: The University of Chicago Press. pp. 1–39.
4. Bergman, G. (1992) Logical Positivism, Language, and Reconstruction of Metaphysics. In: Rorty, R.M. (ed.) *The Linguistic Turn: Essays in Philosophical Method*. Chicago: The University of Chicago Press. pp. 63–71.
5. Bergman, G. (1964) *Logic and Reality*. Madison: The University of Wisconsin Press.
6. Surkis, J. (2012) When Was the Linguistic Turn? A Genealogy. *American Historical Review*. 117(3). pp. 700–722.
7. Habermas, J. (1999) Hermeneutic and Analytic Philosophy. Two Complementary Versions of the Linguistic Turn? *Royal Institute of Philosophy Supplement*. 44. pp. 413–441.
8. Dilworth, C. (1992) The Linguistic Turn: Shortcut or Detour? *Dialectica*. 46(3/4). pp. 201–214.
9. Gubman, B.L. & Anufrieva, K.V. (2017) Lingvisticheskiy povorot i istoriya v filosofii R. Rorty [Linguistic turn and history in the philosophy of R. Rorty]. *Vestnik TvGU. Seriya "Filosofiya"*. 2. pp. 165–177.
10. Koopman, C. (2011) Rorty's Linguistic Turn: Why (More Than) Language Matters to Philosophy. *Contemporary Pragmatism*. 8(1). pp. 61–84.
11. Rorty, R. (1991) Vitgenshteyn, Khaydegger i gipostazirovanie yazyka [Wittgenstein, Heidegger and the hypostasis of language]. In: Motroshilova, N.V. (ed.) *Filosofiya Martina Khaydeggera i sovremennost'* [Philosophy of Martin Heidegger and Modernity]. Translated from English by I.V. Borisova. Moscow: Nauka. pp. 121–133.
12. Habermas, J. (1998) Richard Rorty's Pragmatic Turn. In: Cooke, M. (ed.) *On the Pragmatics of Communication*. Cambridge, Mass.: MIT Press. pp. 343–382.
13. Hacker, P.M.S. (2007) Analytic Philosophy: Beyond the Linguistic Turn and Back Again. In: Beaney, M. (ed.) *The Analytic Turn. Analysis in Early Analytic Philosophy and Phenomenology*. New York: Routledge. pp. 125–141.
14. Rorty, R. (1992b) Twenty-five Years After. In: Rorty, R.M. (ed.) *The Linguistic Turn: Essays in Philosophical Method*. Chicago: The University of Chicago Press. pp. 371–373.
15. Vasiliev, V.A. (2017) Lingvisticheskiy povorot v filosofii [A linguistic turn in philosophy]. *Filosofskie nauki. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 1(768). pp. 172–181.
16. Ravochkin, N.N. (2018) Lingvisticheskiy povorot: sotsial'no-filosofskiy potentsial [Linguistic turn: socio-philosophical potential]. *In-tellekt. Innovatsii. Investitsii*. 8. pp. 70–74.
17. Didikin, A.B. (ed.) (2021) *Aristotelevskoe obshchestvo: 140 let filosofskikh dialogov* [The Aristotelian Society: 140 years of philosophical dialogues]. Moscow: Izdatel'stvo Prospekt, 2021.
18. Lebedev, M.V. & Chernyak, A.Z. (eds) (2008) *Analiticheskaya filosofiya* [Analytical Philosophy]. Moscow: Peoples' Friendship University.

19. Collins, R. (2002) *Sotsiologiya filosofiy. Global'naya teoriya intellektual'nogo izmeneniya* [Sociology of Philosophies. Global Theory of Intellectual Change]. Translated from English. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf.

Сведения об авторе:

Оглезнев В.В. – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории философии и логики философского факультета Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия); профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: ogleznev82@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Ogleznev V.V. – Dr. Sci. (Philosophy), Docent, professor of the Department of the History of Philosophy and Logic, Faculty of Philosophy, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); professor of the Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines of the North-Western Branch of the Russian State University of Justice (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: ogleznev82@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 25.08.2022;
одобрена после рецензирования 15.09.2022; принята к публикации 27.10.2022
The article was submitted 25.08.2022;
approved after reviewing 15.09.2022; accepted for publication 27.10.2022*